

Юрій Крижаничъ — не славянофилъ, а дѣятелъ римско-католической пропаганды въ Россіи въ половинѣ XVII вѣка.

(Библиографическая замѣтка).

Бѣлокуровъ С. А., извѣстный въ русской церковно-исторической наукѣ многими капитальными изслѣдованіями издалъ въ самое недавнее время свой новый трудъ подъ заглавіемъ: *„Изъ духовной жизни Московскаго общества XVIII в.“* М. 1903 г. стр. 294 + 306. Трудъ этотъ представляетъ, по истинѣ, драгоцѣнный вкладъ, съ пріобрѣтеніемъ котораго мы должны привѣтствовать нашу науку.

Книга состоитъ изъ 4 отдѣльныхъ очерковъ-новинокъ одна другой интереснѣе.

Самую важную часть въ книгѣ, безспорно, представляетъ четвертая (стр. 87—294+1—298). Въ ней содержится цѣлое капитальное изслѣдованіе о *Юріи Крижаничѣ*. Оно написано по слѣдующему плану.

Въ предисловіи разсказываются обстоятельства, при которыхъ явился въ печати этотъ трудъ автора, работавшаго надъ нимъ болѣе 10 лѣтъ.

Еще въ 1890 году авторъ нашелъ въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ одинъ столбецъ, который, какъ оказалось, по разборѣ его, содержалъ въ себѣ свѣдѣнія о пріѣздѣ Юрія Крижанича въ Москву въ 1659

году и о пребываніи его здѣсь, по возвращеніи изъ ссылки въ Сибирь, въ 1676—1677 г.г.

Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ соображеніемъ, что въ нашей литературѣ имѣется слишкомъ мало свѣдѣній о Юріи Крижаничѣ, побудило науколюбиваго автора съ достойною удивленія настойчивостію заняться розысканіемъ другихъ возможныхъ матеріаловъ по тому же вопросу. Въ теченіе 10 лѣтъ онъ производилъ эти розысканія въ русскихъ и заграничныхъ архивахъ, при чемъ ему удалось достать весьма цѣнные матеріалы изъ архива конгрегаціи пропаганды въ Римѣ, сообщающіе много совершенно новыхъ и важныхъ данныхъ для біографіи Юрія Крижанича вообще и, въ частности, для выясненія цѣли и характера его дѣятельности въ Россіи.

На основаніи съ такимъ трудомъ и немалыми препятствіями добытыхъ источниковъ, авторъ и приготовилъ монографію о Юріи Крижаничѣ, состоящую изъ 6 главъ.

Въ первой главѣ дѣлается обзоръ наличной литературы объ Юріи Крижаничѣ, во второй—излагаются свѣдѣнія о Крижаничѣ до пріѣзда его въ Россію въ 1659 г. (1618—1659 г.) въ третьей—о пребываніи Юрія Крижанича въ Москвѣ въ 1659—1661 г.г., въ четвертой—о ссылкѣ его въ Сибирь и пребываніи его тамъ въ 1661—1676 г., въ пятой—о вторичномъ пребываніи его въ Москвѣ въ 1676—1677 г.г. и въ шестой главѣ сообщаются свѣдѣнія о жизни Юрія Крижанича по выѣздѣ его изъ Россіи въ 1678—1683 г.г.

Мы не будемъ подробно излагать содержанія всѣхъ этихъ главъ, отсылая къ нимъ самихъ читателей, которые—въ чемъ мы вполне увѣрены—найдутъ въ нихъ много весьма интереснаго и новаго для себя.

Мы скажемъ только нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ и общихъ особенностяхъ разсматриваемаго изслѣдованія. Изслѣдованіе это, какъ основанное на первоисточномъ,

доселѣ не бывшемъ извѣстнымъ наукѣ, матеріалѣ, и, съ другой стороны, на критической провѣркѣ прежняго матеріала отличается совершенною самостоятельностью и оригинальностью.

Помимо частныхъ новыхъ біографическихъ свѣдѣній Крижаничѣ, содержащихся въ сочиненіи автора, этотъ послѣдній устанавливаетъ совершенно новый взглядъ на личность Юрія Крижанича, на задачи и цѣли его путешествія въ Россію и дѣятельности его здѣсь.

Въ то время, какъ прежніе ученые, занимавшіеся специально, или же только отчасти касавшіеся въ своихъ трудахъ жизни и дѣятельности Юрія Крижанича, смотрѣли на этого послѣдняго какъ на „славянскаго патріота“ (С. М. Соловьевъ), и интересовавшагося болѣе „народно-политическими вопросами чѣмъ религіозными“ (Ячичъ), явившагося въ Россію съ желаніемъ „пробудить въ русскихъ народное самосознаніе, сознаніе своей славянской народности, познакомить Россію съ единоплеменниками и указать ей ея великую задачу“ (А. Маркевичъ), „если и бывшаго когда-нибудь партизаномъ уніи, то въ Москву прибывшаго все-такъ безъ всякихъ мыслей о ней, и вообще съ планами не церковными, а національными“ (Пыпинъ), какъ на дѣятеля „на нѣсколько столѣтій опередившаго своихъ современниковъ, со своею гуманностью въ вопросахъ церковно-религіозныхъ бывшаго непонятнымъ для русскихъ людей XVII в., выросшихъ и воспитавшихся въ жестокихъ нравахъ“ (Бильбасовъ),—авторъ разсматриваемой нами монографіи, на основаніи подлинныхъ, несомнѣнныхъ документовъ, на основаніи собственныхъ словъ и показаній самого Юрія Крижанича, доказываетъ, что этотъ послѣдній былъ не славянофиломъ и не политическій дѣятель, а именно представителемъ религиозной и общечеловѣческой культуры въ Россіи, каковымъ и действительно былъ. Онъ былъ главнымъ и даже нитомъ коллегіи пропаганды въѣзды, что главною и даже

единственною цѣлюю его путешествія въ Россію была религіозная пропаганда, обращеніе русскихъ „схизматиковъ“ въ католичество, а вся остальная его дѣятельность—литературная и политическая, о которой мы только и знали досель и, къ стыду нашему, даже восторжались, какъ чѣмъ-то благотѣльнымъ, необыкновеннымъ для насъ, была въ сущности только ширмою, завѣсою, которою хитрый пропагандистъ хотѣлъ прикрыть свои дѣйствительныя намѣренія и истинныя цѣли своей миссіи.

Эти свои дѣйствительныя намѣренія и настоящія цѣли своего путешествія въ Россію, инициатива котораго исходила отъ конгрегаціи пропаганды въѣры, подробно разъясняетъ самъ Юрій Крижаничъ въ своей запискѣ, поданной имъ въ 1641 г. на имя префекта конгрегаціи пропаганды, кардинала Антоніо Барберини. Въ третьей части этой записки Юрій Крижаничъ обстоятельно излагаетъ хорошо обдуманый планъ своихъ будущихъ миссіонерскихъ дѣйствій въ Россіи,

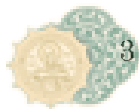
Крижаничъ намѣревался какъ можно больше и дольше скрывать отъ русскихъ свое истинное званіе и дѣйствительныя цѣли своего пріѣзда въ Москву. Въ то же самое время онъ имѣлъ въ виду главное свое вниманіе сосредоточить на томъ, чтобы пріобрѣсти возможно большее довѣріе и расположеніе у русскаго царя, чрезъ котораго онъ думалъ потомъ дѣйствовать и на весь русскій народъ. Юрій Крижаничъ предполагалъ проникнуть въ Москву вмѣстѣ и подъ покровомъ какого-либо посольства; еще лучше было бы, мечталъ онъ, если бы русскій царь самъ вызвалъ его къ себѣ. Вызовъ этотъ онъ думалъ устроить, пославши напередъ русскому царю какой-либо свой литературный трудъ историческаго содержанія, съ обѣщаніемъ доставить ему и другія свои работы, если только онъ дозволитъ ему одному явиться къ себѣ и лично выразить свое глубокое почтеніе состав-

леніемъ въ честь его предисловія къ книгамъ. Въ этомъ предисловіи онъ предполагалъ написать, что во всѣхъ славянскихъ народностяхъ онъ въ настоящее время не могъ найти никого равнаго русскому царю по величію..., что онъ рѣшился не служить никому другому, кромѣ достойнѣйшаго изъ нашихъ (т. е. славянскихъ) народныхъ князей, и охотнѣе отдать бы всего себя на служеніе ему, чѣмъ только будетъ способенъ: „дарованіемъ ли, или трудами“, особенно по части знанія языковъ въ качествѣ переводчика, или посланника или воспитателя сыновей царя, или наставника въ какомъ-нибудь свободномъ искусствѣ.

Проникнувъ такимъ способомъ въ Москву, Юрій Крижаничъ мечталъ слѣлаться довѣреннымъ совѣтникомъ царя особенно по части государственныхъ знаній, касающихся религіи, мира и войны. Вотъ гдѣ истинная цѣль „*Политики*“ Юрія Крижанича, о которой одинъ изъ русскихъ ученыхъ выражается такъ: „не только въ XVII вѣкѣ, но и значительно позже, на русскомъ языкѣ не появлялось такого самостоятельнаго, полного здравыхъ идей, такого сердечнаго произведенія..., не смѣшивающаго національный вопросъ съ вѣроисповѣднымъ“! (Бильбасовъ).

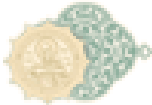
Для того, чтобы еще болѣе укрѣпить свое положеніе при русскомъ царскомъ дворѣ, Юрій Крижаничъ предполагалъ писать нарочитыя похвалы современному и древнимъ Московскимъ царямъ въ прозѣ и стихахъ и даже на сценѣ представлять „нѣкоторые подвиги святыхъ и князей“ русскихъ.

Кромѣ того, онъ мечталъ пріобрѣсти благоволеніе русскаго царя еще и тѣмъ, что думалъ предложить ему свои совѣты касательно увеличенія государственныхъ доходовъ. Отъ всякихъ наградъ и отличій онъ предполагалъ лучше всего отказываться для того, чтобы не возбудить зависти среди придворныхъ и, оставаясь довѣреннымъ совѣтникомъ царя, возможно дольше сохранить вліяніе на него.

Все это были только предварительныя, подготовительныя мѣры, за которыми уже должно было послѣдовать осуществленіе главной, единственной, конечной цѣли путешествія Юрія Крижанича въ Россію... Но предоставимъ лучше разсказать это самому Крижаничу.

„Наконецъ“,—пишетъ онъ въ своей, упомянутой нами, запискѣ,—„послѣ столькихъ обходовъ и намековъ, которые могутъ растянуться на четыре, или пять, или даже и болѣе лѣтъ, какъ будетъ угодно Господу, надо будетъ своевременно, съ Божіей помощію, раскрыть князю настоящее; истинное намѣреніе. Начавши съ благодарности за оказанную благосклонность и съ прославленія его доблестей и воодушевивши его жаждою славы и еще большихъ подвиговъ, надо будетъ затѣмъ увѣщавать его начать войну противъ общихъ враговъ христіанъ, турокъ, и по этому поводу выставить на видъ, что пророчества объ одолѣніи оттомановъ не подходятъ ни къ кому другому болѣе, чѣмъ къ нему, и что ему исполнить это будетъ легче, нежели какому-либо иному государю, лишь бы только ему благопріятствовали единовѣрные ему греки посредствомъ возмущеній противъ турокъ. Болгары же, сербы, босняки, валахи и богдановцы (bogdanesi) охотно поступятъ точно такъ же изъ любви къ государю одинаковаго съ ними нарѣчія и одинаковой народности. (Этими) и другими доводами надо постараться пріохотить его къ такому дѣлу. И если онъ воспламенится мечтами о такой славѣ, слѣдуетъ затѣмъ намекнуть, что для этого недостаточно будетъ его подданныхъ безъ помощи западныхъ государей, такъ какъ московитяне не знаютъ военнаго дѣла въ томъ совершенствѣ, въ какомъ оно въ ходу у католиковъ. И потому, если онъ пожелаетъ, то пусть пошлетъ меня къ этимъ католическимъ государямъ, ибо отъ нихъ онъ навѣрное получитъ и мастеровъ дѣла, и помощь, и совѣты. *Но для этого потребуется предварительно религіозная унія съ ними, и потому надо просить его разрѣшить пренія (объ*

этомъ) и разсмѣлованіе истины для заключенія уніи необходимой даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ и одолѣлъ турокъ, ибо ему никогда не достигнуть мира съ католическими государями, если онъ будетъ разной съ ними религіи. Если же дѣло дойдетъ до этого пункта“,— заключаетъ Крижаничъ, — „до переговоровъ объ уніи, то да благоугодно будетъ Всемиловѣйшему Господу привести все къ славі и чести Своей“ (См. прил. стр. 125—126).

Замѣчательно, что Юрій Крижаничъ въ послѣдствіи успѣлъ выполнить эту свою сложную программу, тогда же (въ 1641 г.), вѣроятно, одобренную конгрегаціей пропаганды, почти въ совершенной точности. И только самая главная цѣль его миссіи въ Россіи—обращеніе русскихъ „схизматиковъ“ въ латинство не была достигнута, благодаря осторожности и прозорливости московскихъ людей XVII вѣка, которыхъ мы совершенно напрасно и незаслуженно чествуемъ „невіжами“, „дикими“ и т. п.

Не будемъ говорить о томъ, какъ, послѣ многихъ усилій и попытокъ, удалось Юрію Крижаничу проникнуть въ Россію. Не черезъ Варшаву, какъ онъ пытался было сначала, а чрезъ южную Россію онъ явился 17 сентября 1659 года въ Москву.

Теперь и намъ пора познакомиться не съ мнимымъ, которымъ мы доселѣ только восторгались, не зная даже полной біографіи его, а съ дѣйствительнымъ Крижаничемъ.

Родился онъ въ Хорватской дворянской семьѣ, первоначальное образованіе получилъ въ Загребской католической духовной семинаріи, а специально богословское въ Хорватскихъ коллегіяхъ въ Вѣнѣ и въ Болоньѣ. Здѣсь, подъ впечатлѣніемъ „Записокъ о Московскихъ дѣлахъ“ Антонія Поссевина, у Крижанича зародилось желаніе расширить свои запятія славянскимъ языкомъ и потрудиться надъ „разрушеніемъ схизмы“. Для подготовленія къ этой дѣятельности онъ въ концѣ 1640 года отправился въ Римъ и поступилъ

тамъ яѣ collegію Св. Аоанасія, спеціально подготовлявшую католическихъ миссіонеровъ для православныхъ народовъ. Юрій Крижаничъ имѣлъ въ виду заняться обращеніемъ въ католичество, прежде всего, православныхъ сербовъ, поселившихся на его родинѣ, въ Хорватіи, какъ это совѣтовать ему и мѣстный католическій епископъ, писавшій ему: „многіе идутъ въ Индію для обращенія Индусовъ, а о домашнихъ схизматикахъ не радятъ“.

Но Крижаничъ не послѣдовалъ этому совѣту. Въ его головѣ въ это время сложился болѣе заманчивый и широкій планъ миссіонерской дѣятельности въ Московскомъ государствѣ съ вождельною для всякаго католика цѣлю приведенія всего православнаго Востока въ подчиненіе папѣ. Инициатива этой миссіи въ Москву исходила, какъ предполагаетъ авторъ, отъ римской конгрегаціи пропаганды вѣры. Крижаничъ принялъ лестное для него предложеніе и представлялъ въ конгрегацію обширную записку, въ которой изложилъ подробно всѣ способы для достиженія поставленной ему цѣли и планъ своей будущей дѣятельности въ Москвѣ.

Посмотримъ теперь, какъ ловкій пропагандистъ сталъ осуществлять этотъ свой планъ, по пріѣздѣ въ Москву. Здѣсь его, какъ и всякаго иностранца, представили, прежде всего, въ Посольскій приказъ. „И тотъ выходець, на допросѣ, объявилъ, что онъ сербъ изъ державы Турецкаго султана, купческаго званія сирота, своимъ дядею воспитанный въ „Веницѣйской землѣ“, учился въ городѣ Падуѣ 6 лѣтъ, знаетъ языки: природный славянскій, латинскій, италіанскій, греческій и еллинскій, а также грамматику, синтаксисъ, риторикъ, философію, ариѣметику и музыку, раньше „питался по государствамъ письмомъ, науками и толмачествомъ“, а въ прошломъ году пошелъ изъ Сербской земли въ Московское государство служить великому государю „на его государево имя на вѣчную службу“.

Московское правительство, видимо, рѣшило принять и службу загадочнаго иноземца. А пока оно придумывало, к чему бы его пристроить, и, быть можетъ, по обычаю, навело о немъ справки, Юрій Крижаничъ черезъ 10 дней представилъ „сербское письмо“, съ подробнымъ изложеніемъ нѣсколькихъ предиріятій, исполненіемъ которыхъ онъ желалъ бы послужить Московскому государству. Во 1-хъ) въ виду появленія иностранныхъ книгъ, въ которыхъ излагались нѣкоторыя мерзскія „злоглашенія“ о русскомъ царствѣ, Юрій предлагалъ поручить ему написать „исторію правдивую и совершенную сего царства и всего народа славянскаго“ и просилъ назвать его *„историкомъ — лѣтописцемъ царскаго величества и подъ симъ именемъ“* принять его на службу; во 2-хъ) въ виду распространенной поляками „дьявольской облуди“ про Московское государство, будто въ немъ нѣтъ „ни единой вольности“, но „паче есть пуще тиранство и жить въ немъ горше, нежели жить въ египетской работѣ“, Крижаничъ предлагалъ поручить ему написать отвѣтъ и разсѣять всѣ эти ложныя свѣдѣнія; въ 3-хъ) Крижаничъ изъявлялъ готовность написать еще сочиненіе „о царскомъ именованіи“, о царскомъ титулѣ, въ назиданіе иноземцамъ, которые „не хотятъ чтити того, кого Богъ учтилъ“; въ 4-хъ) онъ просилъ назначить его царскимъ бібліотекаремъ, при чемъ обѣщалъ „разложить царскія книги въ одинъ рядъ и составить имъ каталогъ“; въ 5-хъ) предлагалъ перевести для „государевыхъ ближнихъ людей“ нѣкоторыя книги „о земленачальническихъ дѣлахъ“, „о тайнѣ мудрости, корысти, или о воздержаніи царствъ“, издать грамматику и лексиконъ славянскіе и „дозирать за печатаніемъ и безъ блудковъ чисто на свѣтъ издать Славянскую Библію“.

Но большую часть этихъ предиріятій Юрію Крижаничу пришлось осуществлять уже не въ Москвѣ, а въ Сибири. 8 января 1661 года состоялся указъ объ отпращиваніи его въ ссылку въ Сибирь, а 20 января онъ уже выѣхалъ въ

Труды Киевск. дух. Акад. Т. I. 1903 г.

Тобольскъ. И теперь нельзя сказать, за что собственно пылкій пропагандистъ попалъ въ Сибирь. По сознанию самого Юрія Крижанича, ему „случилось“ въ разговорѣ съ однимъ „господиномъ“ произнести „нѣкое глупое слово“ „и за то слово я въ ссылкѣ 15 лѣтъ довольно бѣдности и муки претерпѣлъ“.

15-лѣтнее пребываніе въ Сибири, видимо, охладило рвеніе незваннаго миссіонера. По возвращеніи въ Москву въ 1677 году, онъ совершенно пересталъ думать о пропагандѣ въ пользу соединенія церквей и началъ настойчиво просить только объ одномъ—поскорѣе отпустить его изъ Россіи.

Отпущенный изъ Россіи въ 1678 году, онъ прожилъ въ разныхъ мѣстахъ (Вильнѣ, Варшавѣ) до 1683 года, когда около 2 сентября въ Вѣнѣ умеръ, павши, по одному извѣстію, въ сраженіи, при осадѣ Вѣны турками.

„Такъ“,—замѣчаетъ авторъ монографіи,—„закончялъ свою „суетную и плачевную“ жизнь Юрій Крижаничъ. Воспитанникъ конгрегаціи пропаганды вѣры, онъ все время мечталъ только объ одномъ—объ обращеніи „схизматиковъ“, распространеніи католичества и уніи восточной и западной церквей. Съ 22-лѣтняго возраста онъ начинаетъ толковать объ этомъ; годы не останавливаютъ его, и въ зрѣлый періодъ жизни его любимыя занятія—по обличенію „схизмы“; онъ всѣмъ жертвуетъ для своей мечты: кидаетъ родину, мать, общественное положеніе и идетъ въ далекую Московію съ единственною цѣлью привлечь въ католичество русскихъ, или, по крайней мѣрѣ, подготовить почву къ этому. Пребываніе въ Сибири не заставило его переменить свои убѣжденія. И, выѣхавъ изъ Россіи, онъ продолжаетъ все твердить старое... Предъ нами убѣжденный дѣятель въ пользу католичества, оставившійся вѣрнымъ ему до своей смерти. Не политика наполняетъ его сердце, не славянство въ полна его душа.—Всѣ его политико-экономическія, историческія и др. сочиненія имѣли одну цѣль—при-

обрѣсти большее довѣріе, чтобы затѣмъ въ определенное время начать дѣйствовать ad maiorem Dei gloriam“. (стр. 291—292).

Монографія о Крижаничѣ снабжена обширными и весьма цѣнными приложеніями, въ качествѣ каковыхъ помѣщены 1) газетныя сообщенія П. А. Безсонова и свѣдѣнія объ ея невыпущенной работѣ касательно Крижанича (стр. 3—18 2) Извѣстія о Крижаничѣ и Сибири у Витсена (стр. 19—27 3) „Бесѣда ко Черкасамъ“ Крижанича (стр. 28—32 4) „Статьи, описанныя изъ Львова до Москвы“ его же (стр. 33—38); 5) Извлеченные изъ Московскаго Архива Министертства Юстиціи документы о лицахъ, сосланныхъ въ Тобольскъ за 1654—1662 г.г. (стр. 39—75); 6) Документы изъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ пребываніи Фридриха фонъ-Габели въ Москвѣ въ 1676—1677 г.г. (стр. 76—86); 7) Записка Крижанича 1641 г. (стр. 87—126); 8) Документы о Крижаничѣ изъ архива конгрегации пропаганды вѣры (стр. 127—285); 9) Документы Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ пребываніи Крижанича въ Москвѣ въ 1659—1660 г.г. (стр. 286—290); 10) Документы о Крижаничѣ, хранящіеся въ заграничныхъ архивахъ, доселѣ извѣстные (описаніе ихъ на стр. 291—295) и 11). Перечень документовъ въ найденномъ авторомъ столбцѣ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, касающихся (документовъ) Юрія Крижанича (стр. 296—298).

Въ самомъ текстѣ монографія помѣщены фототипически воспроизведенныя челобитныя Юрія Крижанича, дающіе представленіе даже о внѣшнемъ характерѣ его писаній.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о другихъ частяхъ книги. Въ первой части ея (стр. 1—28) помѣщено *сказаніе объ успеніи пресв. Богородицы, правленно*

рукою царя Алексѣя Михайловича. Рукопись, содержащая въ себѣ это сказаніе, найдена авторомъ въ дѣлахъ Тайнаго Приказа, среди бумагъ царя Алексѣя Михайловича, хранящихся теперь въ Петербургѣ, въ Государственномъ Архивѣ.

Тексту рукописи авторъ предпосылаетъ объяснительныя замѣчанія, касающіяся другихъ извѣстныхъ въ литературѣ сказаній объ успеніи пресв. Богородицы (ап. Іоанна Богослова и Іоанна архіепископа Солунскаго) и подробнаго описанія найденнаго авторомъ сказанія. Это послѣднее, по словамъ автора, есть особое литературное произведеніе, но не самостоятельное, а представляющее изъ себя дословную компиляцію изъ словъ ап. Іоанна Богослова и Іоанна архіепископа Солунскаго, весьма сильно сокращающую ихъ (стр. 8). Наибольшее вниманіе авторъ сосредоточиваетъ на указаніи того, что въ найденномъ имъ сказаніи исключено изъ прежнихъ, раньше существовавшихъ сказаній, тѣхъ исправленій, какія были сдѣланы рукою самого царя Алексѣя Михайловича, что подтверждается здѣсь же нарочитыми соображеніями, и, наконецъ, тѣхъ побужденій и обстоятельствъ, какія могли вызвать появленіе даннаго памятника. Въ заключеніе напечатанъ текстъ самаго памятника.

Во второй части содержится *„дѣяніе Московскаго церковнаго собора 1649 года* (стр. 29—52). Подлинникъ этого „дѣянія“ найденъ авторомъ тамъ же, гдѣ и сказаніе объ успеніи пресв. Богородицы. Подлинникъ оказался сильно подмоченнымъ и вообще отъ времени пострадавшимъ. Благодаря этому, начало „дѣянія“ совсѣмъ потеряно и вся вообще первая половина дошла до насъ въ неполномъ и сильно поврежденномъ видѣ. Въ сохранившемся видѣ подлинникъ состоитъ изъ одного длиннаго столбца (8¹/₂ вершк.), на которомъ написанъ конецъ дѣянія (вторая половина его) и изъ трехъ небольшихъ отрывковъ. Текстъ „дѣянія“ предваряется и сопровождается объяснительными примѣчаніями, въ кото-

рыхъ авторъ старается опредѣлить 1) величину недошедшей до насъ части дѣянiя; 2) дату собора, которому принадлежитъ „дѣянiе“; 3) членовъ собора, 4) предметы соборныхъ совѣщанiй и 5) рѣшенiе собора, Кромѣ того, здѣсь авторъ подробно говоритъ о важномъ значенiи найденнаго имъ отрывка „дѣянiя Московскаго церковнаго собора 1649 года“, которое даетъ возможность уяснить смыслъ и значенiе нѣкоторыхъ фактовъ русской церковной исторiи половины XVII в.

Какъ видно изъ сохранившагося отрывка, поводомъ къ созванiю собора 1649 г. было то, что *„на Москвѣ учинилась великая молва и всякихъ чиновъ православные люди отъ церквей Божіихъ учили отлучаться за долги и безвременнымъ пнiемъ“*. Предметомъ соборныхъ разсужденiй служилъ вопросъ о т. н. единогласiи, или единогласномъ чтенiи и пѣнiи. Вопросъ этотъ возникъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ древней Руси существовало обыкновение отправлять церковныя службы во всемъ по уставу, т. е. читать и пѣть все безъ всякихъ пропусковъ. Понятно, что службы церковныя при такихъ условiяхъ должны были быть очень продолжительны. Для того, чтобы, не нарушая устава, сократить время церковныхъ службъ, стали отправлять церковныя службы разомъ нѣсколькими голосами: одинъ, напр., говорилъ ектенiи, другой—возгласы, одинъ—читалъ, а другой пѣлъ и т. д. Объ этомъ обычаѣ, вносившемъ, разумѣется, безпорядокъ въ богослуженiе, разсуждалъ еще стоглавый соборъ, который осудилъ и запретилъ его. Но это соборное постановленiе не соблюдалось. Многогласiе продолжало практиковаться и въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII в. Противъ этого обычая—безпорядка особенно энергично возстала церковная партiя, образовавшаяся въ Москвѣ въ концѣ патріаршества Іосифа и задавшаяся цѣлю преобразовать церковную жизнь. Представители этой партiи: царскій духовникъ протопопъ С. Вонифатевъ, архим. (впослѣдствіи патріархъ) Никонъ и бояринъ Ртищевъ стали бороться противъ много-

гласія не словами только, но и дѣломъ, начали постепенно заводить въ Москвѣ „единогласное и согласное пѣніе“. А такъ какъ это нововведеніе было необходимо связано съ удлиненіемъ церковныхъ службъ, то оно вызвало противъ себя протесты. Нѣкоторые люди „за долгимъ и безвременнымъ пѣніемъ“, какъ говорится въ соборномъ дѣяніи 1649 года, „стали отлучаться отъ церквей Божіихъ“. Во главѣ протестовавшихъ противъ нововведенія сталъ самъ патр. Іосифъ. Возникли споры. Для прекращенія ихъ царь Алексѣй Михайловичъ, быть можетъ, по иниціативѣ самихъ сторонниковъ единогласія, повелѣлъ быть собору. Соборъ 1649 г. рѣшилъ вопросъ въ согласіи съ господствовавшимъ мнѣніемъ, „уложилъ въ приходскихъ церквахъ службъ быть по прежнему“, т. е. съ многогласіемъ, а „вновь ничего не всчинами“. Только уже новый соборъ 1651 года рѣшилъ ввести въ церквахъ единогласное чтеніе и пѣніе.

Въ концѣ статьи приложены три таблицы съ фототипическимъ воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ „дѣянія“.

Третья часть книги (стр. 55—84) посвящена рѣчи „о записномъ приказѣ“. Приказъ этотъ былъ учрежденъ царскимъ указомъ 3 ноября 1657 г. съ цѣлю написать стени „и грани царственныя съ царя Θεодора Ивановича по 1657 г.“, т. е. составить продолженіе стеновой книги. На основаніи подлинныхъ документовъ, найденныхъ въ Государственномъ Архивѣ, среди дѣлъ Тайнаго Приказа, авторъ излагаетъ несложную исторію кратковременнаго существованія „Записнаго приказа“ (1657—1659 г.), который почти ничего не сдѣлалъ для осуществленія той цѣли, съ какою онъ былъ учрежденъ.

Θ. Т.